ПАТРИАРХ НИКОН И РОССИЯ*

Паче, блудницы, Блаже, беззаконновахом, слез тучи никакоже Тебе принесохом: но молчанием молящеся, припадаем Ти, любовию облобызающе пречистеи Твои нозе, яко да оставление нам, яко Владыка, подаси грехов, зовущим: Спасе, от скверных дел избави нас, смиренных рабов Твоих.

В дни Рождества Христова православные христиане, прославляя Виновника этого великого события, стараются доставлять друг другу духовные радости, напоминающие людям о Божественных благодеяниях, которые ниспосланы им из Вифлеемской пещеры. В этот день церковные пастыри не только совершали службы в храмах, но и с крестом в руках и со славословием Христу Спасителю на устах объезжали дома прихожан за несколько дней до праздника, заранее вводя всех в радость Рождества Христова.

Желал бы и я оторваться от своей убогой жизни и хотя бы мысленно посетить мою возлюбленную паству, моих многочисленных друзей и вместе с ними прославлять грядущего в мир Спасителя. Жаждет также мое сердце обнять наше священное Отечество вместе со всеми скорбно в нем страдающими моими дорогими соотечественниками и поклониться нашим великим, ныне поверженным святыням. Особенно рвется мое сердце к гениальным созданиям величайшего человека русской истории Патриарха Никона – Воскресенскому монастырю (Новому Иерусалиму), как бы сходящему с неба, Крестному монастырю на Белом море и Иверскому Валдайскому монастырю в Новгородской губернии.

Иверский монастырь белеет среди озера с синими куполами и величественным иконостасом, который едва ли не превосходит все иконостасы на Руси. Великолепная прозелень иконостасного тела и фонов придает особенную духовность многоярусному сочетанию священных изображений: не только сами святые кажутся поднимающимися к небу, но будто поднимают за собой и богомольца. В этом иконостасе замечателен образ Спасителя: лик его кроткий, благостный, выражающий чувства умиления и мягкости, которые так свойственны русской душе. К кроткому Спасителю припадают и лобызают Его пречистые ноги с одной стороны, справа, в сиянии, святитель Московский Филипп, а с другой стороны, слева, – Патриарх Никон, над головой

* Эта статья была записана со слов владыки Антония в последний год его земной жизни к празднику Рождества Христова 1935/36 г.

которого написаны приведенные мною слова кондака Великой среды. По моему глубокому убеждению, этот вдохновенный образ следовало бы нам воспроизводить с некоторой переделкой – в том смысле, что изображение Патриарха Никона окружить таким же сиянием, каким окружен святитель Филипп, а надписанные им слова отнести ко всем нам – сынам России, ибо в личностях святителя Филиппа и Патриарха Никона и заключается разгадка всех постигших нас несчастий.

Великая культура, великая страна, которая споткнется в своем призвании, утратит в лице ее руководящих кругов ясное понимание своего назначения, должна потерпеть крушение.

Внутреннее содержание русской жизни было создано Киевскими, Московскими и всея Руси митрополитами, которые брали пример с великих греческих иерархов, были ревностнейшими пастырями, никогда не споря из-за первенства власти, но всегда проповедуя правду без страха. Последним и самым великим из этих богатырей духа и был Патриарх Никон. После него у нас на столичных кафедрах бывали преимущественно иерархи-вельможи, искушенные в политике и тонкостях придворной жизни. Они должны были действовать больше хитростью, нежели правдой Божией, которая все больше и больше тускнела на русской земле, пока, наконец, вся не покрылась непроходимой тьмой.

По убеждению Патриарха Никона, призвание России заключается в том, чтобы стать мировым центром христианской культуры, просвещения и высшего благочестия, поэтому он поставил задачей своей жизни ослабление русского церковного провинциализма. Это была светлая эпоха русской истории. В Москве существовал замечательный кружок пламеневших высокими идеями реформаторов. В умах этих людей зрели самые широкие планы церковных и общественных, даже можно сказать, мировых перестроек и преобразований. Это были самые светлые мечтатели, думавшие сделать всех инородцев в России христианами, освободить греков и славян от турок, устроить Церковь на строго канонических началах. На почве таких идеальных предприятий разгорелась в высокий пламень дружба двух девственных по чистоте душ – Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона. Царь и Патриарх были два глубоко и нежно любивших друг друга человека. Дружба Царя и Патриарха исправила священные книги, восстановила благообразие общественной молитвы, присоединила к России Малороссию, привлекла к нам Восточных Патриархов и восточных ученых, побеждала поляков и шведов. А если бы Никон оставался Патриархом до конца своей жизни, то были бы снова возвращены под власть русских государей исконные русские области – Северо-

Западный и Юго-Западный край, славяне были бы освобождены много раньше, не было бы причин ни для последней войны, ни для крушения России, а вслед за сим сохранялось бы благоденствие и во всем мире, во главе которого стояла бы Россия.

Вообще Россия была бы действительно возведена на степень величия третьего Рима, и возрастание нашего Отечества как в духовном, так и в политическом отношении было бы необозримо.

Однако до понимания таких великих отечественных задач не могли подняться современники, и всем этим светлым и прямо сказочным перспективам не суждено было сбыться: лживые и низкие бояре, которых постоянно смирял Патриарх, придворная раболепная знать, люди дутые, своекорыстные и с холопской душой, успели оговорить Святейшего, озлобить Царя, их нежную дружбу превратить в многолетнюю ссору, сослать великого Патриарха в ссылку «на вечное покаяние» в Ферапонтов Белозерский монастырь и затемнить истинное призвание России, которую с тех пор постигает одно несчастье за другим.

Царь Алексей Михайлович умирает, не достигнув пятидесяти лет, тревожась духом на смертном одре, что лишен благословения заточенного Патриарха, раскаиваясь в его низвержении и испрашивая у него себе прощения.

Царь Петр вводит у нас чужебесие, на святительские престолы восходят характеры преимущественно эластичные, могущие ужиться при всякой власти и интригах, умеющие хитрить и лицемерить.

После Петра ряд наших царей проникается немецким духом. Император Павел I стремится сделаться народным царем, но падает жертвой предательства. Император Александр I попадает в тенета Священного Союза и хотя оставляет после себя красивое сказание о добровольно поднятом им подвиге, но не оставляет России того прямого пути, по которому ей надлежит идти. Император Александр II умирает от руки убийцы. Император Александр III загадочно умирает в полном расцвете своих сил. И, наконец, благочестивейший Государь Николай II принимает мученическую кончину со всем своим царским семейством от рук злодеев.

Думаю, что читатель не может заподозрить меня в недостатке преданности русским монархам. Я желал бы, чтобы власть благочестивых русских царей была превыше всех мирских властей на земле и чтобы благоденствие и слава их была беспредельной. Но, взирая на крестный путь, которым идет наше Отечество после Патриарха Никона, невольно приходишь к убеждению, что России невозможно уклониться от пути, который ей предуказан великим Никоном – Патриархом,

заточенным за слово Божие и за святую Церковь, а вернее – самим промыслом Божиим.

Литература о Патриархе Никоне у нас была довольно обширная. Мне не раз приходилось ссылаться на нее и указывать, что большая часть ее была недоброжелательна к великому Никону, но вот в самое последнее время появилось замечательное трехтомное исследование профессора М. В. Зызыкина «Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи» (Варшава, 1935). По оригинальности, убедительности и свежести материалов это лучшее произведение о Патриархе Никоне, после которого, надеюсь, уже никто не посмеет порицать великого Святителя.

Гений этого великого человека заключался в том, что он глубоко проникал в народную душу, в сокровеннейшие ее тайники, он сливался с народом. Считая же главной задачей своей жизни ослабление русского церковного провинциализма, он тем самым сливался и со всем христианским миром.

Патриарх Никон был полный демократ, собственно говоря, простой русский мужик, обогатившийся богатыми дарами, – он был аскет, народный вождь, правитель и отшельник, художник и хозяин, друг двора, патриот своего народа, Вселенский Святитель, поборник просвещения и строгий хранитель церковной дисциплины, нежная душа и грозный обличитель неправды.

Я убежден в том, что русская земля, давшая такого гения, имеет великое и светлое будущее. После всех пережитых испытаний она вернется к своему прямому призванию, которое будет стоять в центре церковной и политической жизни. Задержкой к наступлению этого светлого времени является только наше нераскаяние, и мы должны с усердием припасть к родившемуся Спасителю, «любовию облобызающе» пречистеи Его нози и зовуще: «Спасе, от скверных дел избави нас, смиренных рабов Твоих».

© Антоний (Храповицкий), митрополит
© Шмидт В.В., подготовка текста к публикации

